

EDN: PCOSZG
УДК 316.334.55/.56

“We Live Somewhere in Between...”: The Suburb as a Space of Borders

Konstantin V. Grigoriev^{*a,b} and Yulia V. Elokhina^a

^a*Irkutsk State University*
Irkutsk, Russian Federation
^b*IrICh SB RAS*
Irkutsk, Russian Federation

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 18.09.2024

Abstract: The article is devoted to the analysis of the borders impact on the development of suburbanization in Russia. The authors consider two categories of borders modern Russian suburbs are associated with. On the one hand, these are the borders set by the system of administrative-territorial division, transport infrastructure, and natural landscape. On the other hand, there are borders that arise due to the high degree of heterogeneity of the Russian suburbs and the close proximity of various forms of its organization in a common space. The authors conclude that a specific feature of the Russian suburb is the existence of suburban communities in a situation “in-between” of borders. This largely determines the consolidation of variability and heterogeneity of the Russian suburbs as one of its key characteristics.

Keywords: suburb, suburbanization, border, social space.

The research is carried out within the framework of the theme of state assignment No. 121021800157–8

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Grigoriev K. V., Elokhina Yu. V. “We live somewhere in between...”: the suburb as a space of borders. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1899–1909. EDN: PCOSZG

«Мы где-то между живем...»: пригород как пространство границ

К.В. Григоричев^{а,б}, Ю.В. Елохина^а

^аИркутский государственный университет

Российская Федерация, Иркутск

^бФГБУН ФИЦ ИРИХ СО РАН

Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена анализу фактора границы в развитии субурбанизации в российских условиях. Авторы рассматривают две категории границ, с которыми связаны современные российские пригороды. С одной стороны, это границы, заданные системой административно-территориального деления, транспортной инфраструктурой, природным ландшафтом. С другой стороны – границы, возникающие в силу высокой степени неоднородности российской субурбии и тесного соседства разнообразных форм ее организации в общем пространстве. Авторы заключают, что специфичной чертой российского пригорода является существование пригородных сообществ в ситуации «между» границами. Это в значительной мере детерминирует закрепление изменчивости и неоднородности российского пригорода как одной из его ключевых характеристик.

Ключевые слова: пригород, субурбанизация, граница, социальное пространство.

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 121021800157–8.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Григоричев К. В., Елохина Ю. В. «Мы где-то между живем...»: пригород как пространство границ. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1899–1909. EDN: PCOSZG

В России, как и в ряде других постсоветских стран, современный пригород возникает и существует благодаря ресурсу границы (Grigorichev, 2013; Breslavskij, 2016). В России роль этих административных границ, определяющих не столько властную организацию как систему взаимодействия властных институтов и местных сообществ, сколько условия жизни населения, оказывается чрезвычайно высока в формировании системы расселения и миграционных потоков как основных механизмов ее трансформации. Разница условий жизни задается, очевидным образом, различиями тарифов (стоимость энергии, уровень налогов и т.п.) и менее очевидными следствиями наличия

границы – меньшая плотность властного регулирования, значительно более высокий уровень неформальности за пределами административной черты города.

Вместе с тем, вероятно, нельзя говорить об одинаковой роли границы в формировании пригородов. Российский пригород чрезвычайно гетерогенен, наполнен социопространственными оксюморонами, сочетая малосовместимые, на первый взгляд, формы субурбанизации и организации повседневности (Grigorichev, 2016). Даже в пределах одной субурбанизированной зоны мы можем наблюдать самые разные формы организации пригородных поселений и сообществ, а пригороды столиц соседних регионов могут

отличаться самым радикальным образом. Так, если рост пригородной зоны регионального центра Республики Бурятия происходит преимущественно по модели глобального Юга (Breslavskij, 2014), то в Иркутске преобладает модель глобального Севера. В обоих случаях, однако, мы имеем дело не с «чистой» моделью, а с массой переходных форм, что заставляет размышлять о таком разнообразии как самостоятельной устойчивой форме субурбанизации (Grigorichev, 2024).

Такое многообразие пригорода (и как пространственного феномена, и как социального) заставляет предположить, что граница как «социологический факт, который принимает пространственную форму» (Simmel, 1995), либо действует здесь неоднородно, либо мы имеем дело с влиянием не единственной границы, но их комплекса. Различные вариации сочетаний таких границ могут порождать различные, порой весьма неожиданные эффекты, которые могут в той или иной степени объяснять высокую степень гетерогенности российского пригорода.

Целью нашей статьи является попытка рассмотреть пригород как пространство, порождаемое сочетанием «естественных» (предзаданных системой административно-территориального деления (АДТ), ландшафтом, транспортной инфраструктурой) границ и границ «производимых» – появляющихся в процессе роста пригорода и усложнения его пространственной и социальной структуры. Мы попытаемся увидеть, как действие «естественных» границ обуславливает не только появление самой субурбии, но и детерминирует усложнение ее структуры, рост пространственной и социальной неоднородности. С другой стороны, мы попытаемся обосновать производство новых границ внутри пригородной зоны, показать факторы их появления и возможное воздействие на развитие пригорода.

В основном наш анализ будет опираться на материалы Иркутской агломерации – высокие темпы субурбанизационного процесса здесь обуславливают рельефность рассматриваемого нами феномена. Являясь высокоурбанизированным регионом уже к концу советского периода, Иркут-

ская область и ее столица дают кейс субурбанизации в максимально возможном «чистом» виде, когда приток населения в пригородную зону более чем наполовину формируется мигрантами из областного центра и лишь в минимальной степени (около 15 %) – выходцами из сельской местности (Grigorichev, 2024). Иными словами, в данном случае речь идет именно о субурбанизации в ее классическом варианте как «более или менее устойчивом процессе переселения горожан на постоянное жительство в пригород» (Fishman, 1987). В то же время достаточно высокая степень разработанности проблемы пригородного роста на материалах Иркутска позволяет нам опираться на предшествующие работы, в том числе отсылая к уже сделанным описаниям эмпирического материала. Вместе с тем мы будем использовать публикации и о других региональных кейсах (прежде всего Бурятии), а также обобщающие работы, очерчивающие общие для России тенденции пригородного роста и миграции как ее основного механизма (Karachurina, Mkrtchyan, 2021; Karachurina et al., 2021).

**Границы «естественные»:
административная карта
и природный ландшафт
как факторы формирования границ
*Административная граница города
и сельской местности***

Сложившаяся еще в советской системе административно-территориального деления граница между городом и хинтерландом не предполагала пригорода – она носила (и номинально сохраняет) линейный характер и в силу действия советской системы «прописки» выполняла функцию не столько контактную, сколько барьерную. Важно подчеркнуть, что до начала массовой субурбанизации в иркутском кейсе барьерность границы подчеркивалась и визуальными маркерами. Вплотную к границам городских поселений (в том числе и Иркутска) примыкали сельскохозяйственные угодья, а социокультурный, экономический и архитектурный ландшафт центральных

и тем более периферийных усадеб таких хозяйств мало отличался от подобных поселений в удаленных сельскохозяйственных районах области. Там, где формы ландшафта не создавали естественной границы, визуальным маркером могла стать объездная автодорога, отделяющая городскую многоэтажную застройку от сельской, усадебной. Дорога символично разделяла два этих пространства, автодорога воплощала барьерность и линейность границы. Располагавшиеся в ключевых точках городского периметра (на выездах из города по основным трактам) пункты ГАИ/ГИБДД не только выполняли прагматичную функцию контроля, но и символизировали собой пограничные КПП – места легального пересечения этой границы.

Трансформация этой границы из линейной в пространственную (зону освоения, фронта), в культурном смысле – зону транслокальности (Appadurai, 1996), стала отражением новой социальной реальности, когда оппозитивная дихотомия «город-село» (Bogdanova, Vrednikova, 2013) стала стремительно наполняться различными промежуточными формами. Социальное пространство приобрело выраженную континуальность, оказалось насыщено различными переходными формами, в большей или меньшей степени тяготеющими к урбанизму или сельскому укладу, но не тождественными ни одному из них.

Визуальная граница между городом и начинающимся за его чертой пригородом в последние годы стремительно размывается. Зачастую она сводится к небольшому дорожному знаку, практически не разрывающему однотипную усадебную или многоэтажную застройку. Ликвидация упомянутых выше постоянных постов ГАИ/ГИБДД на автомобильных дорогах у административной черты города символизировала «бесшовную» связь городского и не-городского пространства. Такое исчезновение визуализированной барьерности границы города, определяющей «исключительность» в зиммелевском смысле (Simmel, 1995) городского пространства, подталкивает к идее постепенного исчезновения места и повода

социальных взаимодействий, результатом которых и становится формирование пригорода и его сообществ. Однако постепенное размывание выраженной визуальной границы между городом и примыкающим к нему пространством не означает преодоления действия комплекса факторов, формирующих разность городского и негородского. Нормативная рамка, определяющая властную картину мира, фиксируемую в статистических описаниях, и, в свою очередь, формирующая систему различий в тарифах, ставках налогов и прочем, осталась прежняя, опирающаяся на идею линейной границы между городом и сельской местностью. Неприметный указатель границы города определяет разность, например, транспортного налога, уплачиваемого соседями, живущими на разных сторонах фактически одной улицы. Иными словами, исчезнув из визуальности, граница города и пригорода выпадает лишь из представления о пространстве, но сохраняется в соотношении социальных образований (городских и пригородных сообществ) с пространством (Filipov, 2000).

Обозначенный парадокс действия границы при ее визуальном исчезновении важен не только с точки зрения социально-философского анализа. Именно существующая система административно-территориального деления формирует, например, экономические смыслы субурбанизационного движения: статус сельского поселения определяет значительно более низкий уровень тарифов и налоговых ставок, комплекс льгот, стимулирующих выезд горожан в пригород. Это определяет еще один интересный парадокс – юридическое (нормативное) отсутствие пригородов во многом стимулирует в России их развитие.

Транспортная сеть как фактор формирования границ

Субурбанизация в Иркутском кейсе, как и в классическом североамериканском варианте пригородного роста, была тесно связана с быстрым ростом уровня автомобилизации населения. За первое постсоветское десятилетие с 1989 по 2001 гг. число

легковых автомобилей в Иркутске выросло с 50 до 140 на тысячу жителей (Mihajlov, Golovnyh, 2004). Поездка в пригородные села, еще недавно бывшая «путешествием», оказалась не сложнее рутинных внутригородских поездок, а транспортная доступность городского центра из пригородной зоны стала едва ли не выше, чем из наиболее отдаленных районов Иркутска. Монополия общественного транспорта как канала проникновения горожан в пригород оказалась разрушена, и Город, подталкиваемый конъюнктурой рынка жилья, буквально «поехал» в Село. И если в советском варианте сезонной дачной субурбанизации (Mahrova, 2015) такое движение было привязано к маршрутам общественного транспорта, что определяло высокую роль железнодорожных путей (электричек), то рост обеспеченности индивидуальным автотранспортом резко повысил значение иных направлений, ранее слабо освоенных горожанами.

Как следствие, локальности вдоль железной дороги, которые еще с советского времени развивались как дачные массивы, значительно медленнее воспринимают новую пригородную реальность, консервируя советскую модель дачных пригородов. Напротив, пространства вдоль основных (федеральных и региональных) и второстепенных (местного значения) автодорог стремительно заселяются горожанами, становятся местом появления новых жилых массивов, порождая причудливые переходные формы, когда сезонное жилье становится основным (первым), а то и единственным. Здесь возникает конкуренция между сторонниками традиционной российской дачи и «пригорожанами», создающими на месте старых дачных поселков поселения нового типа (Grigoriev, 2015).

В качестве важного отступления нужно отметить, что правовая форма СНТ очень часто используется при организации пригородных поселков. Так, на территории Иркутского муниципального района, где располагается основная часть субурбии Иркутска, за последнее десятилетие формально не появилось ни одного нового на-

селенного пункта, однако возникло более 20 новых садоводств, являющихся фактически пригородными поселками (Grigoriev, 2024). С одной стороны, это обуславливается некоторым правовым вакуумом (как уже отмечалось выше, нормативно в России пригородов и пригородных поселений не существует), а с другой – специфическими формами самоорганизации, возможными именно для СНТ и обеспечивающими реальное самоуправление.

Для нашего анализа, однако, важнее, что транспортная инфраструктура обуславливает формирование границы между ареалами современной субурбанизации и советскими дачными пригородами. Эта граница, конечно, имеет достаточно условный и не жесткий характер (элементы современной субурбанизации встречаются также в массивах «советских» дач, равно и наоборот), однако в целом можно констатировать тяготение старых пригородов («советских дач») к Транссибу, а современных пригородных поселков – к автодорогам. Именно в ареалах новых пригородов наиболее стремительными темпами растет численность населения и площадь заселенных территорий. Иными словами, транспортная сеть не только определяет направления субурбанизационного роста, но и разграничивает пригородную зону по доминирующему типу пригородов.

Природный ландшафт и рост пригородов

В Иркутском кейсе естественный ландшафт обуславливает отсутствие сплошного кольца пригородов вокруг города. Представляется, что природная специфика в данном случае лишь подтверждает наблюдение Роберта Парка и Эрнста Бёрджеса (Park et al., 1925, 1984) о том, что концентрическая схема города отражает скорее его социальную организацию, но не обязательно имеет буквальное пространственное воплощение. Однако для нас важнее иное. Одним из ключевых мотивов субурбанизационной миграции являются экологические и рекреационные мотивы. В силу различий ландшафта вокруг регионального

центра разные локальности имеют различную ценность в этом смысле. Сочетание наиболее привлекательных рекреационных возможностей и автодорожной сети быстро выделило наиболее дорогое и статусное направление пригородного роста в Иркутской агломерации – Байкальский тракт вдоль Иркутского водохранилища (Молодежное, Дзержинское, Большереченское, Листвянское сельские поселения). Несмотря на название автодороги, побережье озера Байкал не является ключевым привлекательным фактором для развития пригородных поселений. Напротив, важно именно сочетание рекреационных возможностей, транспортной сети, близости к городу.

Высокая стоимость и статусность пригородного расселения в этих локальностях определили возможность для формирования социального капитала уже в силу проживания здесь. Описываемые в интервью как «местная Рублевка», пригородные поселения таких локальностей противопоставляются остальным локальностям пригородного роста в качестве, скорее, формы «статусного потребления» (Humphrey, 2002). Сам факт проживания в населенных пунктах, отнесенных в массовом дискурсе к «Рублевкам», предопределяет представление об их жителях как представителях высокодоходных слоев населения. Мощнейшим аргументом для закрепления такого дискурса является сложившийся высокий (и все время повышающийся) порог входа для жизни в таких поселениях («У нас тут ведь не Молодежное какое-нибудь»).

Выделение таких дорогих и высоко статусных поселений, без сомнения, не специфично для Иркутска. Отсылки к «местным Рублевкам» встречены нами в интервью в Хабаровске, Биробиджане, Омске, Барнауле, описаны в публикациях на материалах Подмосковья (Polukhina, 2018), Улан-Удэ (Breslavskij, 2014). Иными словами, представляется, что такой вектор развития внутренних границ пригорода является массовым и вполне устойчивым.

Силой обстоятельств и/или в результате целенаправленного процесса некогда стихийные и совершенно открытые при-

городные поселки здесь все более приобретают черты закрытых поселений (gated community), выделенных из окружающего социального пространства формируемой изнутри и снаружи жесткой барьерной границей, которую Соня Хёрт метко определила в качестве «нового железного занавеса» (Hirt, 2012).

Границы производимые:

новая организация пространства

Появление новых поселений и в пригородной зоне, основанных на новом образе жизни (субурбанизме (Fawa, 1956; Walks, 2013)) и принципиально отличающихся по социальной организации от традиционных сельских и дачных поселков, обусловило возникновение новых границ. Очевидное различие пригорожан и «коренных жителей» (это определение мы берем в кавычки в связи с некоторой неопределенностью такого статуса для дачников) предполагает возможность появления границ между ними. Однако, как нам представляется, такие границы весьма неоднородны, а их специфика зависит от характера освоения пригорода. При этом границы могут возникать не только между «новыми» и «старыми» жителями пригорода, но и между различными группами «пригорожан».

Закрытые/статусные поселки и окружающее пространство

Первой и наиболее очевидной границей, появляющейся вследствие субурбанизации, становятся барьеры, возводимые между элитными пригородными поселками и окружающим пространством. Никак не соотносящиеся с действующей системой АТД, часто даже не существующая формально как населенные пункты, такие поселки выделяются из вмещающего пространства как дискурсивно, так и физически. Номинально отсутствующая граница отчетливо фиксируется оградой, шлагбаумами, а иногда и охраной.

Наиболее ранние такие поселки возникли еще во второй половине 1990-х гг. за пределами существовавших населенных пунктов, и их социальная обособлен-

ность подчеркивалась и пространственной удаленностью. Специфика архитектуры и организации усадебного пространства отражала форму статусного потребления (Humphrey, 2002) и появление нового габитуса и локальности, с ним связанной (Bourdieu, 2007). Исключенность таких коттеджных поселков фиксировалась и дискурсивно, и описывается в интервью как «место не для всех», «Рублевка местная». Однако границы этого пространства слабо влияли на повседневные практики жителей пригородных территорий отчасти в силу малых масштабов субурбанизационной миграции на рубеже 1990–2000-х гг., отчасти в силу расположения за пределами существовавших населенных пунктов.

Значительно более отчетливо граница между статусными поселениями и окружающим пространством проявляется при строительстве коттеджного поселка на территории уже существующего населенного пункта – деревни, еще 15–20 лет назад представлявшей типичное сибирское село, но неожиданно вовлеченное в рост субурбии. В такой ситуации возникающее «закрытое» пространство решительно противопоставляется остальной части населенного пункта и его сообщества, границы которых очерчивают пространство, исключаемое из повседневности населенного пункта. При этом возводятся и обороняются эти рубежи не столько принимающим сообществом (сельскими жителями), сколько владельцами и жителями коттеджей, конструирующими ситуацию, определенную С. Брюнном как “gated living” (Brunn, 2006).

Важно подчеркнуть, что возникающая здесь граница – это не только выделение новых пригородных сообществ из окружающего социального пространства («коренных жителей»), но и разграничение высоко статусных сообществ и иных пригорожан – обитателей менее престижных и дорогих пригородных поселений. Иными словами, это одновременно и рубеж между пригородом и сельской местностью *per se*, и элемент организации пространства субурбии, определяющий гетерогенность и сложность его пространства. Более того, барьерность

такой границы в последнем случае может проявляться значительно более жестко, фиксируя новые статусы и маркируемое в связи с ними пространство.

*«Они только пользуются,
а мы здесь живем»:*

дачники versus пригорожане

Перестройка традиционных «советских» дач как временного/сезонного пригородного жилья в постоянные пригородные поселения фиксируется исследователями довольно широко на востоке России (Grigoriev, 2016; Potapchuk, 2020). Этот процесс реализуется в двух основных вариантах: постройка новых поселков, лишь номинально имеющих статус СНТ и сразу застраиваемых как постоянное жилье, и перестройка старых дачных массивов, многие из которых создавались еще в советскую эпоху. Если в первом варианте производится только граница, выделяющая («исключающая» в зиммелевских категориях) пространство поселка из сельского района, она, и близкая, по крайней мере по функциям, к закрытым поселкам, то во втором случае конструирование границ имеет более сложный характер.

Изменение функции дачи (от второго – временного, сезонного жилья к первому или даже единственному) детерминирует не только изменение функций жилых построек и собственно дачного участка. Едва ли не более важным следствием становится изменение отношения к пространству поселения в целом. Наблюдение за таким кейсом (Grigoriev, 2015) позволило установить радикальные отличия в символическом присвоении пространства: если обитатели традиционных дач ориентированы исключительно на закрепление границ собственного участка, то постоянные жители – на локальность в целом. В интервью с последними «садоводство» («поселок») описывается как целостное пространство с присущими ему характеристиками («просторное», «зеленое», «тихое»), а не как простая совокупность участков, из которых лишь единичные наделяются лично значимыми идентификаторами (как правило,

по собственникам, с которыми имеются родственные или дружеские связи).

Следствием формирования новой группы («пригорожане», постоянных жителей дачных поселков) становится появление нематериальной, но весьма действенной границы между двумя сообществами, обитающими в одном пространстве. Субъективно эта граница рефлексивируется и артикулируется через разность отношения к этому пространству («Они [дачники – авт.] *только пользуются, а мы здесь живем*»), однако водораздел оказывается существенно более значимым. Претендуя на символическое присвоение пространства поселка (СНТ) в целом, «пригорожане» включают в ареал «своего» пространства и участки дачников, являющихся неотъемлемой частью поселка. Такой взгляд определяет и стремление определять состав сообщества, обеспечить возможности для инклюзии в него новых «пригорожан» и ограничить их для «дачников» и прочих «временных».

Возникающий конфликт (далеко не обязательно имеющий внешнее выражение) достаточно жестко разграничивает сообщество по отношению к собственному (внутреннему) пространству – складывающиеся новые конвенции о допустимых, желательных и неодобряемых практиках его использования приводят к появлению и материальных символов такой границы (например, ворота или шлагбаумы ограничивающие доступ к общественным пространствам для «дачников»). Не менее отчетливые различия возникают и в отношении с «внешним» миром. Если спектр возможных практик взаимодействий «дачников» с внешними по отношению к СНТ акторами, как правило, ограничивается сферами и временем, предлагаемыми извне (маршруты и график общественного транспорта, благоустройство дорог для него и др.), то поле взаимодействия постоянных жителей с внешним миром значительно шире и во многом формируется ими. Например, важнейшим вопросом в жизни таких сообществ становится обеспечение электроэнергией, потребность в которой при постоянном проживании значительно выше, чем при сезонном. Постро-

енная на средства «пригорожан» электроподстанция становится не менее значимым материальным символом границы между двумя сообществами, чем могла бы стать ограда между их усадьбами и участками «дачников».

Возникающая здесь граница остается малозаметной для внешнего наблюдателя, но отражает глубокие изменения социального пространства пригорода. Ее материальные символы слабо вписываются в привычную для наблюдений визуальность границы, однако для обитающих здесь сообществ выступают постоянным напоминанием о борьбе за право на пригород, его природу, функции и социальную организацию.

Пригорожане и жители загородных микрорайонов

Строительный бизнес, по крайней мере, в иркутском кейсе, пришел в пригородную зону заметно позже, чем началось ее массовое освоение частными лицами. Помимо де-регулируемого городского развития в девяностые и нулевые годы этому способствовала относительно низкая плотность многоэтажной застройки российского города (что стимулировало развитие практики точечной застройки в старых микрорайонах) и наличие обширных пространств «частного сектора» – территорий «про запас». Эти факторы определяли наличие здесь готовых инженерных сетей, использование которых было (и часто остается) значительно дешевле, чем строительство новых. Немаловажным фактором стало и то, что Российская Федерация и большинство стран постсоветской Центральной Азии не пошли по пути реституции. Если в странах Центральной и Восточной Европы, на материалы которых, как правило, опираются исследователи постсоциалистических урбанизационных процессов, реституция обусловила появление большого слоя мелких городских собственников, то в российском случае такой группы в городском населении не сложилось. Соответственно, частная собственность в городах здесь не стала мощным фактором, выталкивавшим застройщиков за городскую черту.

Наиболее масштабными проектами крупных региональных застройщиков в пригородной зоне является возведение среднеэтажных (4–5 этажей) и многоэтажных (до 9 этажей) жилых комплексов, обозначаемых термином «микрорайон». Содержательно этот термин плохо соотносится с идеей комплексной застройки, сочетающей жилые дома с социальной и иной инфраструктурой. Сами же жилые комплексы вопреки рекламе не предоставляют возможности для загородного образа жизни и ориентированы прежде всего на low cost-сегмент рынка жилья. Последнее прямо сказывается на качестве строительства, обустройстве прилегающей территории и в конечном итоге на качестве жизни. Проживание в таких загородных «микрорайонах» не является престижным и определяет не повышение социального статуса, а, напротив, становится признаком низкого достатка и невысокого положения в социальной иерархии. В массовых представлениях это не благополучный пригород, а, скорее, неблагополучные отдаленные «спальники».

Для нашего анализа важно, что такие «микрорайоны» возникают в непосредственной близости от других форм развития пригородных поселений – дорогих коттеджных поселков, дачных массивов, часть из которых перестраивается под постоянное проживание. И здесь формируется отчетливая граница не только образов жизни (урбанизм и субурбанизм), но и имущественных и социальных групп, закреплённая в различиях вертикальных и горизонтальных доминант, подобно визуальному контрасту российских и китайских приграничных городов (Billé, 2014). Располагаясь в том же физическом пространстве, юридически имея тот же статус (часть муниципального образования нижнего уровня – сельского поселения), такие комплексы оказываются отделены от окружающего пригорода разницей условий и образов жизни, социальной организацией, властных и медийных дискурсов о них. Отчетливая визуальность этой границы (многоэтажки с плохо благоустроенной прилегающей территорией versus усадебная застройка с собственными

участками) детерминирует ее рефлексию жителями, чаще всего артикулируемую в негативных взаимных оценках. В отличие от дихотомии «пригорожане versus дачники», здесь определение границы идет не по признаку отношения к физическому пространству, а по приписываемому (а часто и предписываемому) положению в пространстве социальном.

Российские субурбии: жизнь между границами?

Выделенные нами границы, вероятно, не охватывают весь спектр существующих и только формирующихся в пригороде пространственных и социальных разграничительных линий. В силу динамичности субурбанизационного процесса и высокой гетерогенности формирующейся пригородной зоны сделать это, видимо, и невозможно. Значительно важнее, на наш взгляд, зафиксировать высокую концентрацию границ между различными типами социальной организации, локализованных в общем физическом пространстве.

Стихийность роста пригородов, ярко проявляющаяся в Иркутской агломерации (Grigoriev, 2024), приводит к появлению различных форм пригородной организации в пределах одного муниципального образования и даже одного населенного пункта. Многоэтажные загородные комплексы могут тесно соседствовать с «элитным» коттеджным поселком с одной стороны, а другим краем врезаться в дачные массивы. Закрытый загородный поселок может быть построен внутри пригородного села, часть которого населена переселенцами из города и фактически превратилась в природное поселение, а часть по-прежнему сохраняет сельский уклад как артефакт советской модели организации пространства.

Как следствие, жители пригородных поселений оказываются в ситуации жизни «между» («in between») – между сельским и городским образами жизни, различными формами организации субурбии, практиками освоения и присвоения пространства, наконец, между эпохами – советской и постсоветской, воплощенных, например, в тра-

диционных дачах и новых пригородных поселках, оформленных как СНТ. Субурбанизм во внешних по отношению к городу поселениях предполагает не только синтез элементов урбанизма и сельского образа жизни (такое сочетание возможно и во внутренних пригородах, интенсивно формирующихся в «частном секторе» российского города (Grigorichev et al., 2023), но и тесное соседство очень разных социальных групп («здесь всякой твари по паре: менты, продавцы, силовики, коммерсы, работяги, интеллигенция всякая»), которые в ином месте не могли бы оказаться рядом на более или менее постоянной основе. В результате пригорожанин живет не только между городом и селом, но и между самыми разными социальными группами, формами организации пространства, находясь буквально между: «Даже и не знаю я, кто мы... Мы где-то между живем...».

Концентрация «естественных» и «производимых» границ в пригородных населенных пунктах приводит к появлению нового места социальных взаимодействий,

«точки вращения» по Зиммелю (Simmel, 1995), которое, как показывает А.Ф. Филиппов, становится «центром кристаллизации социальных связей, которые, будь они иначе, непространственно ориентированы и оформлены, не приобрели бы такой определенности» (Filippov, 2000). Эта точка, однако, не располагается в той или иной институализированной локальности, но находится «между», на периферии каждой из них, образуя лиминальное пространство. Здесь, в своего рода маргиналии, может сформироваться синтез традиции и модерна (Shirazi, 2018), проявиться новая организация социальных связей и отношений. Неочевидность такого положения «между» сочетается с неинституализированным характером российских пригородов, определяя развитие субурбанизационного процесса в значительной мере на неформальной основе. Это, в свою очередь, детерминирует высокую степень гетерогенности российского пригорода, для которого изменчивость и неоднородность становятся одними из ключевых характеристик.

Список литературы / References

- Appadurai A. *Modernity at Large: cultural dimensions of globalization*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 1996. ISBN 9780816627936
- Billé F. *Sovremennost' v prostranstvennom izmerenii: otkrytye rynki, germetichnost' i vertikal'nost' v dvuh prigranichnyh gorodah Rossii i Kitaja* [Surface Modernities: Open-Air Markets, Containment and Verticality in Two Border Towns of Russia and China]. In: *Ekonomicheskaja sociologija* [Economic sociology], 2014, 2, 76–98 EDN: RLPEVV
- Bogdanova E., Brednikova O. *Что зхе находитсја «вдали от городов»? Predislovie redaktorov* [What is "far from the cities"? Editors' Preface]. In: *Vdali ot gorodov. Zhizn' postsovetsoj derevni* [Far from cities. Life in a post-Soviet village]. SPb.: Aletejja, 5–6. 2013. ISBN 978–5–91419–733–6
- Breslavskij A. S. *Kakoj mozhet byt' rossijskaja suburbanizacija?* [Possible modes of suburbanization in Russia] In: *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2016, 1, 79–102 EDN: WCCOPJ
- Breslavskij A. S. *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaja migracija i rost Ulan-Udje v postsovetsoj period* [Unplanned suburbs: rural-urban migration and the growth of Ulan-Ude in the post-soviet period]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN. 2014. ISBN: 978–5–7925–0420–2
- Brunn, S. *Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear*. In: *GeoJournal*, 2006, 66, 5–13 DOI: 10.1007/s10708–006–9012–5
- Bourdieu P. *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow. Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb. Aletejja. 2007. ISBN: 978–5–91419–902–6
- Fawa S. *Suburbanism as a way of life*. In: *American Sociological Review*, 1956, 21(1), 34–37 DOI 10.1177/0042098012462
- Filippov A. F. *Sociologija prostranstva: obshhij zamysel i klassicheskaja razrabotka problemy* [Sociology of space: general concept and classical development of the problem]. In: *Logos*, 2000, 2.

Fishman R. *Bourgeois utopias: The rise and fall of suburbia*. New York: Basic Books. 1987, ISBN 978-0465007479

Grigorichev K. V. Mezhdú «global'nym Severom» i «global'nym Jugom»: tak kakoj zhe mozhet byt' suburbanizacija na vostoce Rossii? [Between the "Global North" and the "Global South": What Could Suburbanization Look Like in Eastern Russia?]. In: *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2024, 4, 44-65 DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-44-65.

Grigorichev K. V. Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizacija v sibirskom regione [Diversity of the suburb: suburbanization in Siberian region (the case of Irkutsk)]. In: *Gorodskie issledovanija i praktiki* [Urban Studies and practices], 2016, 2, 7-23 EDN: ZHARSH

Grigorichev K. V. *V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda* [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. Irkutsk: Ottisk. 2013. ISBN 9785905847394

Grigorichev K. V. Voobrazhennoe soobshhestvo: konstruirovanie lokal'nosti v neinstitutizirovannom prostranstve prigoroda [Imagined community: constructing locality in the non-institutionalized space of the suburbs]. In: *Labirint* [Labyrinth], 2015, 1, 46-56 EDN: UHNASL

Grigorichev K. V., Djatlov V. I., Timoshkin D. O. «Chastnyj sektor»: ne-gorodskie prostranstva i soobshhestva rossijskogo goroda ["Private housing sector": non-urban spaces and communities of the Russian city]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk». 2023. ISBN 978-5-6047697-4-4

Hirt S. *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell. 2012. ISBN: 978-1-444-33826-3

Humphrey C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday economies after socialism*. Cornell University Press. Ithaca&London. 2002. ISBN 9780801439810

Karachurina L. B., Mkrtychjan N. V., Petrosjan A. N. Prostranstvennye osobennosti migracionnogo prirosta prigorodov regional'nyh stolic Rossii [Spatial patterns of net migration in the suburbs of Russian regional centers]. In: *Vestn. Mosk. un-ta*. 2021. Ser. 5. Geogr., 6, 123-134 EDN: JWDSAN

Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V. Vnutriregional'naja migracija naselenija v Rossii: prigorody vyigryvajut u stolic [Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals] In: *Izvestiya Rossijskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2021, 85(1), 24-38 <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>

Mahrova A. G. Sezonnaja suburbanizacija v regionah Rossii [Seasonal suburbanization in the regions of Russia]. In: *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografija*. 2015, 4, 60-68, EDN: VPELZN

Mihajlov A. Ju., Golovnyh I. M. *Sovremennye tendencii proektirovanija i rekonstrukcii ulichno-dorozhnyh setej gorodov* [Modern trends in the design and reconstruction of city road networks]. Novosibirsk: Nauka. 2004. ISBN: 5-02-032091-9

Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. *The City*. The University of Chicago Press. 1925, 1984, 239. ISBN 978-0-226-64611-4

Polukhina E. Extending the space of domesticity in post-soviet Russia or how the dacha is transforming into a suburban home in Moscow region. In: *Urban Studies and Practices*. 2018, 4, 152-163 DOI: 10.17323/usp342018152-163

Potapchuk E. Ju. Izmenenie znachenija dachi v prigorodno-gorodskom prostranstve (po materialam Habarovskih SMI 2010-2020 gg.) [Changing the value of the dacha in the city-suburban space: an analysis of Khabarovsk]. In: *Gorodskie issledovanija i praktiki* [Urban Studies and practices], 2020, 4, 73-86. DOI: 10.17323/usp54202073-86

Shirazi M. R. *Contemporary Architecture and Urbanism in Iran. Tradition, Modernity, and the Production of 'Space-in-Between'*. Springer Cham. 2018. ISBN 978-3-319-72184-2

Simmel G. Soziologie des Raumes. In: *Georg Simmel Gesamtausgabe*. Bd. 7 / Hrsgg.v. Rüdiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthein Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995, 132-183

Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return. In: *Urban Studies*, 2013, 50(8), 1471-1488. <https://doi.org/10.1177/0042098012462610>